

*Michelle de
Ville*

*Черновик
счастья*

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Michelle de Ville
Черновик счастья

«Автор»

2026

de Ville M.

Черновик счастья / M. de Ville — «Автор», 2026

Он — Сергей Горский. Холодный, жёсткий, хозяин архитектурной империи. Его жена ушла, оставив с полуторагодовалым сыном Лешкой. С тех пор он закрылся ото всех. Он умеет только строить. Стекло и бетон. Он не ошибался никогда. До того дня, когда она вошла в его кабинет. Она — Стефания Ветрова. Лучшая выпускница, коньячные глаза, веснушки и улыбка. Безумная, светлая, слишком живая. Она пришла на собеседование архитектором. Она не знала, что ей предстоит строить не только здания. Он называет её «бусинка». Сначала — насмешка. Потом — нежность. Между ними — стена из стекла. Но Стеша привыкла разбивать стены. И ещё Лешка. Маленький мальчик, который слишком быстро привязывается к той, кто приносит в их дом свет. Но прошлое не отпускает. Бывшая жена возвращается. И Сергей понимает: строить небоскрёбы легче, чем учиться любить. Смогут ли они переписать свой черновик счастья в чистовик?

© de Ville M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	19

Michelle de Ville

Черновик счастья

Глава 1

Он строит империю из стекла и бетона. Она строит жизнь — из улыбок, упрямства и тепла.

Сергей Горский не умеет любить. Он умеет только контролировать. После того как жена бросила его с полуторагодовалым сыном, он закрылся ото всех. От всех, кроме маленького Лешки, который всё ещё верит в папу.

Стеша пришла на собеседование архитектором. Она не знала, что ей придётся проектировать не здания, а семью. Что она станет той, кто разбудит его, заставит чувствовать и научит дышать заново.

«Черновик счастья» — история о том, как сложно переписать свою жизнь. И о том, что иногда для этого достаточно одного человека, который не боится твоего холода.

Пролог

Сергей.

Я ненавижу этот день.

Шесть часов утра. В доме тишина — та самая, которая давит на уши сильнее любого крика. Я стою у окна в своём кабинете, смотрю на город, который просыпается внизу, и чувствую только пустоту. Стекло холодное. Я прижимаю к нему ладонь — на секунду становится легче. Только на секунду.

За спиной — тихий звук. Маленькие ножки шлёпают по паркету. Я не оборачиваюсь. Я уже знаю, кто это.

— Папа...

Голос Лешки — сонный, тягучий, почти неслышный. Ему полтора года, но он уже научился находить меня. Всегда. В любое время дня и ночи. Он тычется лицом в мою ногу, обхватывает её руками — такими маленькими, что я боюсь дышать. Если я сделаю резкое движение — он упадёт. Или я сломаю его. Я боюсь ломать.

Я опускаюсь на корточки. Смотрю на него. Светлые волосы, мятные глаза — мои глаза. Он смотрит на меня снизу вверх и улыбается. Беззубой, мокрой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— Лешка, — говорю я. Голос звучит глухо. Я не умею говорить мягко. Я вообще не умею говорить. Только приказывать. — Ты почему не спишь?

— Скучно, — он лепечет что-то ещё, но я не разбираю слов. Он же маленький. Он не умеет говорить по-взрослому. Но я понимаю. Я всегда понимаю.

Я беру его на руки. Он лёгкий — слишком лёгкий. Я поднимаю его, прижимаю к себе, и он утыкается носом в мою шею. Пахнет детским кремом, сном и чем-то ещё — тем, что я не умею называть. Наверное, доверием. Я не знаю, что с ним делать. Я никогда не знал.

Я ношу его по комнате. Он засыпает у меня на руках через пять минут. Я кладу его в кроватку, поправляю одеяло, долго смотрю на его лицо. Он спит — безмятежно, как будто мир не рухнул в тот день, когда его мать ушла.

А она ушла.

Полгода назад.

Оставила нас обоих. Сказала, что не справляется. Сказала, что я слишком холодный. Сказала, что она не хотела этого ребёнка. Я тогда не ударил её. Не закричал. Не остановил. Я просто смотрел, как она собирает вещи. Как уходит. Как закрывает за собой дверь.

Лешка тогда ещё не умел сидеть.

Я не плакал. Я вообще не плачу. Я — Сергей Горский. У меня империя. Сотни сотрудников. Миллиардные контракты. Я могу купить всё. Я могу разрушить всё. Но я не могу заставить маленького человека заснуть по-человечески. Я не могу быть мягким. Я не могу быть тёплым. Я не умею.

Я сажусь в кресло у его кровати. Смотрю на него. Он спит.

Я сижу так до утра.

Стефания.

Я люблю этот день.

Семь часов утра. Солнце только-только выползает из-за крыш, но оно уже такое яркое, что хочется шуриться. Я стою перед зеркалом в своей маленькой квартире, кручусь, разглядывая себя, и улыбаюсь. Сегодня я иду на собеседование. В самую большую архитектурную компанию города. В ту самую, где мои проекты, говорят, рассматривали всерьёз. Хотя я не верю в это. Ну, может, чуть-чуть верю. Но только чуть-чуть.

Волосы — ниже лопаток, русые, чуть выются на концах. Я собираю их в небрежный пучок — выпускаю несколько прядей, чтобы не выглядело слишком строго. Поправляю очки — они вечно сползают с носа. Надеваю платье — простое, но элегантное. И босоножки.

Я поворачиваюсь к зеркалу. Карие глаза — коньячного оттенка, как говорит мама. Веснушки на носу — их много, они появляются, даже когда нет солнца. Я не прячу их. Они — часть меня. Как мой рост. Сто пятьдесят сантиметров. Я смотрю на себя и улыбаюсь.

— Ты справишься, Стеша, — говорю я отражению. — Ты лучшая. Они это знают.

Отражение улыбается в ответ.

Я выхожу из дома. Город просыпается. Где-то сигналият машины, где-то кричат птицы, где-то пахнет кофе. Я люблю запах кофе. Я люблю этот город. Я люблю этот день.

У входа в небоскрёб «Горский-Дом» я на секунду замираю. Высокое здание из стекла и бетона, как будто упирается в небо. Я смотрю вверх и чувствую, как внутри разливается что-то тёплое. Не страх. Предвкушение.

— Это только начало, — шепчу я. — Ты сделаешь всё. Ты сможешь.

Я вхожу внутрь.

Приёмная на последнем этаже. Светлая, просторная, в ней пахнет дорогим парфюмом и кофе. Секретарь — строгая женщина лет сорока — окидывает меня взглядом. Я улыбаюсь ей.

— Стефания Ветрова. Я на собеседование.

— Минуту, — она нажимает кнопку, что-то говорит в трубку. Потом поднимает глаза. — Проходите. Он ждёт.

Я делаю шаг вперёд.

Дверь открывается. Я вхожу.

В кабинете — полумрак. Тяжёлые шторы, огромный стол из тёмного дерева, и он — за этим столом. Сергей Горский.

Он поднимает голову.

Мятные глаза смотрят на меня. Холодно. Оценивающе. Как будто он уже решил, что я не гожусь. Или что я — очередная игрушка.

Я не отвожу взгляд. Я улыбаюсь.

— Здравствуйте, Сергей, — говорю я. — Я Стефания Ветрова. Я пришла изменить ваш мир.

Он усмехается. Криво. Устало. И не отводит взгляд.

Глава 2

Глава 1. Бусинка

Стефания

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я влетела в стеклянные двери офисного центра «Горский-дом» за три минуты до начала собеседования, и это был мой личный рекорд по скорости передвижения на каблуках. Пятьдесят шестой этаж. Лифт. Где здесь, мать вашу, лифт?

Волосы растрепались, очки съехали набок, в руках — папка с проектами, которая пыталась жить своей жизнью и рассыпаться по всему холлу. Я вдохнула, выдохнула и сделала шаг вперёд.

И тут что-то маленькое, тёплое и светловолосое врезалось мне прямо в колени.

— Ой!

Я чуть не упала, но инстинктивно присела, схватив ребёнка за плечи. Мальчик. Полтора года, может, чуть больше. Светлые волосы, огромные зелёные глаза — такого мятного оттенка, что я замерла на секунду. Он смотрел на меня снизу вверх, хлопал ресницами и... улыбался.

— Ты кто? — спросила я шёпотом.

— Ааа! — радостно сообщил он и ткнул пальцем мне в очки.

Я рассмеялась. Ну серьёзно? В этом безумном мире, где я опаздываю на собеседование всей моей жизни, где вчера я почти не спала, доделывая 3D-визуализацию, где мои волосы ведут себя как стая диких птиц — этот карапуз просто ткнул меня в нос и улыбнулся, как будто мы старые друзья.

За его спиной я заметила перепуганную женщину в униформе няни. Она что-то кричала, но малыш уже обхватил мою шею пухлыми ручками и прижался щекой к моему плечу.

— Лешенька! — няня чуть не плакала. — Простите, он вырвался, я только на секунду отвернулась...

— Ничего страшного, — я погладила мальчика по спине, чувствуя, как он сопит мне в шею. Такой маленький. Такой доверчивый. И вдруг я поняла, что стою на нижней ступеньке широкой мраморной лестницы. Ещё шаг — и он бы упал. Упал с этой красоты, которая стояла, наверное, как моя годовая стипендия.

— Леша, — раздался голос.

Низкий. Холодный. Такой, от которого у меня внутри всё сжалось, потому что я почувствовала его раньше, чем увидела.

Я подняла голову.

Он стоял в проёме лифта. Тёмный костюм, идеально сидящий на широких плечах. Тёмные волосы, уложенные так, будто он только что вышел с обложки журнала, а не спустился с пятьдесят шестого этажа в обычный вторник. Рост — я даже не представляла, насколько он выше меня. Наверное, метр восемьдесят пять, не меньше.

И глаза.

Зелёные.

Мятные.

Точно такие же, как у мальчика у меня на руках.

Он смотрел на нас. На меня. На сына. Молча. И в этом молчании было столько тяжести, что я на секунду забыла, как дышать.

Я машинально поправила очки. Глупо, да? Будто очки могли спасти от этого взгляда.

Мальчик на моих руках заерзал, услышав голос отца, повернул голову и заулыбался ещё шире:

— Папа!

Идиллия? Нет. Лицо Сергея Горского — главы «Горский-дом», человека, чьё имя в архитектурном мире произносили с трепетом и страхом — осталось каменным. Он шагнул вперёд. Один шаг. Второй. Его ботинки стучали по мрамору так отчётливо, что казалось — это биение моего сердца, только в сто раз громче.

Он остановился прямо передо мной. Навис. Я чувствовала его запах — дорогой парфюм, кожа, кофе. И холод. От него веяло таким холодом, что я поёжилась, но мальчика не отпустила. Он же держался за меня! Не могла же я просто передать его обратно няне, когда он так доверчиво прижимался?

— Кто ты? — спросил Сергей.

Голос ледяной. Без эмоций. Но я видела, как дёрнулся его кадык, когда он перевёл взгляд с сына на меня.

Я открыла рот, чтобы ответить. Представиться. Сказать, что я Стефания Ветрова, что у меня собеседование, что я лучшая выпускница Архитектурного, что мои проекты уже строят в городе, что я могу доказать...

Но он не дал мне сказать ни слова.

— Убирайся, — отрезал он.

И сделал шаг ко мне. Протянул руку, чтобы забрать сына, и я увидела его пальцы — длинные, сильные. И где-то на безымянном пальце — тонкий шрам.

Я прижала Лёшу крепче. Сама не знаю, зачем. Может, от испуга. А может, потому что этот маленький человек выбрал меня на пару минут, и я не могла предать его доверие.

— Я не собираюсь убираться, — сказала я.

И голос мой прозвучал слишком громко в этом стерильном холле. Слишком смело. Слишком по-дурацки.

Сергей замер. Его глаза сузились. Он смотрел на меня так, будто я только что сказала ему, что его корпорация — это фуфло, а его проекты — детский лепет.

— Простите, — вмешалась няня, пытаясь забрать ребёнка. — Лешенька, иди к нам...

Но мальчик отвернулся от неё и спрятал лицо у меня на плече. Он что-то лопотал, вцепившись в мой воротник, и я чувствовала, как его маленькие пальцы сжимают ткань.

Я посмотрела на Сергея снизу вверх.

Он смотрел на меня сверху вниз.

И в его мятных глазах промелькнуло что-то такое, чего я не ожидала. Растерянность? Нет. Скорее... любопытство. Он смотрел на эту сцену — его сын обнимает незнакомку, его сын смеётся, его сын не хочет уходить. И Горский не знал, что с этим делать.

— Я на собеседование, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Стефания Ветрова. Ваш новый архитектор. Если вы, конечно, не передумали после того, как я спасла вашего сына от падения с лестницы.

Я улыбнулась.

Самой солнечной улыбкой, на которую была способна. Потому что в этой ситуации был только один выход — либо улыбаться, либо плакать. А я никогда не плакала перед чужими людьми.

Сергей смотрел на меня ещё долго. Секунду. Две. Пять.

Потом он повернулся к няне и сказал коротко:

— Забери его.

Няня подхватила Лёшу, который наконец-то отпустил меня, но продолжал тянуть ко мне ручонки и кричать что-то по-своему, по-детски, восторженное.

— Она останется, — сказал Сергей, не глядя на меня.

Я не поняла.

— Что?

— Собеседование, — он перевёл на меня ледяной взгляд. — Пять минут. Если опоздаешь хоть на секунду — вылетишь.

Он развернулся и пошёл к лифту, даже не оглянувшись.

А я стояла посреди холла, с растрёпанными волосами, съехавшими очками, с папкой, из которой уже выпали два листа, и чувствовала, как бешено колотится сердце.

Я посмотрела на лифт. На табло над дверями. Чёрт. Шестьдесят секунд до закрытия дверей.

Я побежала.

И на ходу думала только об одном: *«Боже, у него глаза цвета мяты. И сын — его копия. И он назвал меня никем. Но я докажу... Я обязательно докажу».*

Я влетела в кабинет ровно за секунду до того, как часы на стене показали назначенное время. Запыхавшаяся, растрёпанная, с папкой, которую я прижимала к груди как щит.

— Простите, я... — начала я и осеклась.

За огромным стеклянным столом сидел ОН.

Тот самый мужчина из холла. Тот, который смотрел на меня так, будто я была мусором на его идеально начищенном полу. Тот, чьего сына я держала на руках.

Сергей Горский.

Глава «Горский-дом».

Мой будущий начальник.

Он даже не поднял головы, когда я вошла. Сидел, уткнувшись в планшет, и его длинные пальцы с тонким шрамом на безымянном скользили по экрану. Тёмный пиджак висел на спинке кресла, рукава белой рубашки закатаны до локтей, открывая сильные предплечья с тёмными венами. Идеальная причёска ни на миллиметр не сдвинулась. Чёрт, да он даже не вспотел, пока я тут летала по холлам как ураган.

— Садись, — сказал он, не поднимая глаз.

Я села. На краешек стула, выпрямив спину. Очки снова съехали, и я поправила их дрожащими пальцами.

Тишина. Он молчал целую минуту. Может, две. Я чувствовала, как пот стекает по позвоночнику, как сердце колотится где-то в горле. Папка с проектами казалась тяжёлой, как кирпич.

Наконец он поднял голову.

Его мятлые глаза смотрели на меня без эмоций. Ни тепла, ни интереса. Только лёд.

— Стефания Ветрова, — прочитал он с планшета, и моя фамилия прозвучала как приговор. — Двадцать три года. Красный диплом. Твои проекты... — он сделал паузу, и я увидела, как дёрнулся его кадык, — строятся в городе. Ты, видимо, считаешь себя гением.

Я слотнула. Это был не вопрос. Это был удар.

— Я считаю, что у меня есть хорошие идеи, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Идеи, — он усмехнулся. Усмехнулся так, что мне захотелось провалиться сквозь землю. — В моей компании не нужны идеи. Нужны результаты. Ты можешь начертить план за два часа?

— Если нужно — да.

— Ты можешь переделать проект за ночь, потому что заказчик передумал?

— Да.

— Ты готова терпеть мои приказы, не задавая вопросов, и делать то, что я скажу, даже если это будет унижительно?

Я замялась на секунду. И он это заметил.

— Я готова работать, — сказала я твёрже. — Я не боюсь трудностей.

Он откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Смотрел на меня сверху вниз, и я чувствовала себя маленькой. Смешной. Нелепой со своими веснушками, очками и растрёпанными волосами.

— Значит, ты не боишься, — повторил он. — А должна бояться.

Я выдержала его взгляд. Медленно вдохнула. И сделала то, чего он точно не ожидал.

Я встала.

Подошла к его столу, положила папку на стеклянную поверхность и раскрыла её. Эскизы, чертежи, 3D-модели. Моя гордость. Моя жизнь. Мои ночи без сна.

— Вот, — сказала я, водя пальцем по линиям. — Это жилой комплекс «Небо». Я разработала концепцию парковки с зелёной крышей. Это снижает тепловой эффект на сорок процентов. Здесь — фасад с динамической подсветкой, которая меняет цвет в зависимости от времени суток. Здесь — проект реконструкции набережной, которую ваша компания выиграла в тендере, но до сих пор не начала.

Я подняла на него глаза.

— Я сделала это за две недели. Одна. Без команды. Если вы сомневаетесь в моих способностях — посмотрите. Это не просто идеи. Это готовые решения.

Тишина.

Он смотрел на мои чертежи. Долго. Внимательно. Я видела, как его глаза скользят по линиям, как его палец касается одного из углов, и я вздрогнула — он указал на ошибку. Маленькую. На миллиметр.

— Здесь неверный угол, — сказал он тихо. — Крыша будет проседать.

Я наклонилась, вгляделась, и сердце ухнуло вниз. Он был прав. Чёрт, он был прав.

— Это... это поправимо, — выдавила я.

— Поправимо, — повторил он, и его губы снова изогнулись в усмешке. — Ты ошиблась на два градуса, Ветрова. Два градуса. В моей компании за такое увольняют.

Я почувствовала, как к горлу подступают слёзы. Но я заставила себя улыбнуться. Улыбнуться своей самой солнечной улыбкой, хотя внутри всё рушилось.

— Тогда увольте меня, — сказала я. — Но сначала посмотрите на остальные проекты. Я ошибаюсь, но я учусь. И я не сдаюсь.

Он посмотрел на меня так, будто я только что ударила его.

На лице — ни тени эмоций. Но я заметила, как его пальцы сжались в кулак. Всего на секунду. А потом он медленно закрыл мою папку и отодвинул её на край стола.

— Свободна, — сказал он. — Жди звонка.

Я не поняла.

— Что?

— Ты слышала. Собеседование окончено. Если я решу, что ты мне нужна, — позвоню.

Он перевёл взгляд на планшет и больше не смотрел на меня.

Я стояла, чувствуя себя раздавленной. Пять минут. Всё собеседование заняло пять минут. Он даже не дал мне шанса. Я собрала папку, дрожащими руками застегнула её и направилась к двери.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он смотрел на меня поверх планшета. И в его мятных глазах я увидела что-то новое. Что-то тёмное. Опасное.

— Ты спасла моего сына, — сказал он. — Но это не значит, что я буду к тебе снисходителен. Если ты окажешься в моей команде — я сломаю тебя. Я заставлю тебя плакать. Я заставлю тебя сожалеть о том, что ты пришла в «Горский-дом». Ты готова к этому?

Я слотнула.

— Я готова ко всему, — ответила я.

Он усмехнулся и махнул рукой, отпуская меня.

Я вышла из кабинета, прислонилась спиной к холодной стене и почувствовала, как слёзы наконец-то подступили к глазам. Но я не дала им упасть. Я сжала челюсть, вдохнула и пошла к лифту.

Провал. Полный провал.

Я ехала в метро, слушая, как грохочут колёса, и думала, что это была самая страшная встреча в моей жизни. Он ненавидел меня. С первой секунды. И ничего не могло это изменить.

Через час, когда я уже сидела в своей крошечной квартире и пила чай, заливая горечь, раздался звонок.

Незнакомый номер.

Я взяла трубку.

— Стефания Ветрова? — женский голос, сухой и официальный. — Отдел кадров «Горский-дом». Вы приняты на должность личного помощника Сергея Горского. Завтра в восемь утра. Не опаздывайте.

Я выронила телефон.

Личного помощника.

Не архитектора. Помощника.

Я смотрела на чёрный экран и не верила своим ушам. А потом до меня дошло.

Он не хотел меня видеть в своей команде. Он хотел держать меня рядом. Под контролем.

В клетке.

Это была его месть.

Его игра.

А я только что сказала ему, что готова ко всему.

— Дура, — прошептала я своему отражению в тёмном окне. — Какая же ты дура, Стеша. Но в груди зажглось что-то тёплое. Злое. Упрямое.

Хорошо, Сергей Горский. Ты объявил войну. Я принимаю вызов.

Восемь утра. Я стояла перед стеклянными дверями «Горский-дом» и чувствовала себя приговорённой, которую ведут на казнь.

Платье — строгое, чёрное, до колена. Волосы — в небрежном пучке, из которого то и дело выбивались непослушные пряди, падая на лицо. Очки — на месте. На ногах — простые белые кеды. Я знала, что выгляжу странно для офиса такого уровня, но каблуки я ненавидела всей душой, а для беготни по этажам кеды — лучшее решение. И если Сергею Владимировичу это не понравится — тем хуже для него.

Ресепшен встретил меня стерильной улыбкой. Меня проводили на пятьдесят шестой этаж, в крыло, где находился кабинет Сергея Горского. И уже у дверей меня ждал сюрприз.

— Стефания Ветрова? — сухой голос. Женщина лет пятидесяти в идеальном костюме, с высокой причёской и взглядом, который мог остановить танк. — Я — Лидия Павловна, ваш куратор на период стажировки. Сергей Владимирович не терпит опозданий, не терпит ошибок и не терпит глупых вопросов. Ясно?

— Ясно, — кивнула я.

Она окинула меня взглядом с ног до головы. И я увидела, как её глаза остановились на моих кедах. Брови поползли вверх.

— Это... — начала она.

— Это удобно, — перебила я с самой вежливой улыбкой. — Я буду много бегать. Сергей Владимирович не говорил о дресс-коде для помощников.

Лидия Павловна сжала губы, но промолчала.

— Ваше рабочее место — здесь.

Она указала на маленький столик, стоящий прямо перед дверями кабинета Горского. Стол, стул, компьютер, телефон. И никаких личных вещей. Даже цветка.

— Вы — лицо его приёмной, — продолжила она. — Вы встречаете гостей, отвечаете на звонки, записываете на встречи, носите кофе. Это всё, что от вас требуется.

Я сглотнула.

Носить кофе. Я — лучшая выпускница Архитектурного, чьи проекты строятся в городе. И я буду носить кофе.

— А мои проекты? — спросила я тихо. — Сергей Владимирович говорил...

— Сергей Владимирович ничего не говорил, — перебила меня Лидия Павловна. — Он приказал мне научить вас держать язык за зубами. Приступайте. Через десять минут у него встреча с инвесторами. Приготовьте кофе. Чёрный, без сахара, только зёрна из левого верхнего ящика, вода строго девяносто градусов. Поняли?

Я кивнула, хотя внутри всё кипело.

Чёрный кофе. Девяносто градусов. Левый верхний ящик.

Я нашла кофемашину, нашла зёрна, сварила кофе. Руки дрожали. Когда я зашла в кабинет с чашкой, Сергей Владимирович стоял у панорамного окна, глядя на город. Тёмный костюм, идеальная осанка. Запах дорогого парфюма и кожи уже не казался мне приятным — он душил.

— Кофе, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он не обернулся. Просто протянул руку. Я поставила чашку в его пальцы, и наши пальцы почти коснулись. Он забрал чашку, поднёс к губам, сделал глоток. И замер.

Я поняла, что сделала ошибку, ещё до того, как он повернулся.

— Что это? — спросил он тихо. Слишком тихо.

— Кофе, — ответила я, чувствуя, как сердце ухнуло.

— Кофе, — повторил он. — Ты положила сахар.

Я замерла.

— Я... я подумала, что раз вы вчера пили капучино в холле, то...

— Ты не должна думать, — отрезал он. — Ты должна делать то, что тебе говорят. Я сказал чёрный. Без сахара.

Он поставил чашку на стол и посмотрел на меня. И я увидела в его глазах холодное удовольствие. Ему нравилось это. Нравилось видеть, как я стою тут, с опущенными руками, и чувствую себя ничтожеством.

— Переделай, — сказал он. — И запомни: в этой компании ты не архитектор. Ты — моя тень. Ты делаешь то, что я говорю. Ты молчишь, когда я молчу. Ты исчезаешь, когда я приказываю. Ты поняла?

Я сжала зубы так сильно, что почувствовала вкус крови.

— Поняла, — выдавила я.

— Иди.

Я вышла. Сварила новый кофе. Принесла. Он взял чашку, даже не глядя на меня, и махнул рукой — выметайся.

Так прошёл первый час. Второй. Третий.

Инвесторы, звонки, встречи, какие-то бумаги, которые нужно было распечатать, подписать, перепечатать, переподписать. Я летала по этажам, как загнанная лошадь. Он не давал мне передышки. Он давал мне задания, которые заканчивались через минуту, и тут же кидал новые, словно проверяя, насколько быстро я ломаюсь.

К обеду я носила уже двенадцатую чашку кофе. Кеды спасали меня — я могла бегать по этажам, не боясь сломать каблучки. Но всё остальное болело: ноги, голова, душа. Я ненавидела Сергея Владимировича всеми фибрами своего существа.

Но потом случилось странное.

Он вызвал меня в кабинет и сказал:

— Через час у меня встреча в ресторане. Найди мой пиджак. Тёмно-синий, «Бриони». Он в шкафу.

Я кивнула и пошла к шкафу. Открыла дверцу. Пиджак висел на плечиках, высоко-высоко, и я потянулась к нему, встав на цыпочки. Выбившаяся прядь волос упала на глаза, я сдула её и снова потянулась.

— Достань, — нетерпеливо бросил он. — Быстрее.

— Я достаю! — огрызнулась я, не удержавшись.

Я подпрыгнула, схватила плечики, но пиджак соскользнул и упал на пол. Я поймала его в последний момент, но пошатнулась и чуть не грохнулась на пятую точку. И замерла, чувствуя себя полной идиоткой, с пиджаком в руках, который чуть не уронила.

Сергей Владимирович смотрел на меня. Стоял в трёх шагах и смотрел. Его взгляд скользнул по моему небрежному пучку, по выбившимся прядям, по кедам, по раскрасневшемуся лицу. И вдруг... его губы дёрнулись.

Я решила, что мне показалось. Но нет. Он усмехнулся. Не зло, не насмешливо. А как-то... иначе.

— Господи, ты маленькая, — сказал он тихо, почти себе под нос. — Бусинка.

Я замерла.

— Что? — переспросила я.

Он моргнул. В его глазах промелькнуло замешательство — словно он сам не понял, что только что сказал. Но через секунду холод снова опустился на его лицо, как маска.

— Ничего, — отрезал он. — Иди. И больше не падай. Мне не нужны травмы на рабочем месте.

Я вышла из кабинета с пиджаком в руках и чувствовала, как горят щёки.

Бусинка.

Он назвал меня бусинкой.

Я стояла у своего стола и смотрела на закрытую дверь его кабинета, и внутри меня боролись два чувства. Первое — бешенство. Как он смеет называть меня так унижительно, будто я маленькая и беспомощная? И второе — странное, тёплое, которое я не хотела признавать: что-то дрогнуло у меня в груди, когда я услышала это слово.

— Ненавижу его, — прошептала я. — Ненавижу.

Но почему-то губы сами растянулись в улыбку.

А через минуту дверь кабинета открылась, и он вышел. В тёмно-синем пиджаке, который я держала в руках. Он молча забрал его, надел, прошёл мимо меня, но у самой двери остановился.

— Ветрова.

Я вскинула голову.

— Да?

Он не обернулся.

— Кофе. С завтрашнего дня — без сахара. И больше не прыгай за пиджаком. У меня стремьянка в подсобке. Бусинка.

И он вышел.

Я стояла, открыв рот.

Он сделал это специально. Назвал меня бусинкой второй раз. Нарочно. Чтобы я поняла: он запомнил, что сказал. И ему не стыдно.

Я сжала кулаки и прошептала:

— Бусинка? Да я тебе, Сергей Владимирович, такого ветра устрою, что ты свою «Горский-дом» не узнаешь!

Но внутри разливалось что-то липкое и тёплое.

Чёрт. Кажется, эта война только начинается.

К концу дня я чувствовала себя выжатой как лимон. Глаза слипались, голова гудела, а ноги в кедах всё равно ныли от беготни по этажам. Сергей Владимирович уехал на встречу в ресторан, и я наконец-то выдохнула, упав на стул перед своим столом.

Тишина. Благословенная тишина.

Я закрыла глаза на пару секунд и тут же услышала какой-то шум. Топот. Маленький, быстрый топот.

Я открыла глаза и увидела Лёшку.

Он бежал по коридору, раскинув ручки в стороны, как самолётик. За ним, тяжело дыша, бежала няня, но мальчик был быстрее. Он влетел в приёмную, остановился у моего стола и посмотрел на меня снизу вверх своими огромными мятными глазами.

— Ты! — заявил он радостно и ткнул пальцем в мои очки.

Я засмеялась.

— Привет, Лёша.

— Лешка! — поправил он серьёзно. — Я Лешка!

— Прости, Лешка, — улыбнулась я. — Ты запомнил меня?

Он кивнул, активно трясая светлой головой, и протянул ко мне руки.

— На ручки!

— Лешенька! — подросла няня, запыхавшаяся и красная. — Нельзя! Ты только что пообедал, у тебя руки в каше, ты испачкаешь тётю...

— Не испачкаю! — возразил Лешка и снова посмотрел на меня с такой мольбой, что у меня сердце растаяло.

— Да ладно, — сказала я няне. — Ничего страшного. Я всё равно уже уйду.

Я подхватила Лёшку на руки, и он тут же обхватил мою шею пухлыми ручками. От него пахло молоком, детским шампунем и чем-то тёплым, родным. Его светлые волосы щекотали мою щёку, а он что-то лопотал мне в ухо, указывая пальцем в сторону.

— Там! Там! Пойдём!

— Куда? — удивилась я.

— Там! Смотреть!

Няня вздохнула.

— Он про аквариум в холле на первом этаже. Там рыбки. Просится каждый день, но Сергей Владимирович не разрешает...

— Почему? — удивилась я.

Няня замаялась.

— Он... ну... он не любит, когда Лёшку водят куда-то без его ведома. А сам он занят постоянно.

Я посмотрела на Лёшку. Он смотрел на меня глазами-блюдцами и улыбался, показывая маленькие молочные зубки.

— А если мы просто на пять минут? — спросила я. — Пока Сергей Владимирович на встрече?

Няня испуганно замахала руками.

— Что вы! Он убьёт меня! Если узнает...

— А он не узнает, — шепнула я. — Я быстренько. Пять минут — и назад. Он ещё не вернулся.

Лёшка, услышав, что я согласилась, издал радостный писк и захлопал в ладоши.

— Рыбки! Рыбки!

Я посмотрела на няню, которая стояла с открытым ртом и явно не знала, что делать. И я решила за неё.

— Я беру на себя ответственность, — сказала я. — Если Сергей Владимирович спросит — скажите, что я сама утащила ребёнка. Хорошо?

Няня обречённо вздохнула.

— Девочка, вас уволят.

— Уволят — значит, уволят, — усмехнулась я. — Но я не могу смотреть на эти глаза и говорить «нет».

Я посадила Лёшку поудобнее на бедро и пошла к лифту.

— Ветрова, — раздался голос за спиной.

Я замерла. Медленно обернулась.

В дверях кабинета стоял Сергей Владимирович.

Тёмно-синий пиджак он уже снял, рубашка расстёгнута на верхнюю пуговицу, галстук ослаблен. Он выглядел уставшим, но взгляд его был острым, как бритва. Он смотрел на меня. На Лёшку у меня на руках.

— Я думал, ты уже ушла, — сказал он тихо.

— Я... я собиралась, — выдавила я. — Но Лёша...

— Лешка, — поправил мальчик на моих руках и серьёзно посмотрел на отца. — Я Лешка!

Сергей перевёл взгляд на сына. И на его лице что-то дрогнуло. Я не могла понять — злость? Усталость? Или что-то ещё?

— Мы хотели посмотреть рыбок, — сказала я быстро. — Всего на пять минут. Он так просил... Я могу взять ответственность на себя.

Сергей молчал. Он смотрел на Лёшку, который прижимался ко мне и показывал отцу пальцем, указывая в сторону лифта.

— Рыбки, папа! — крикнул Лёшка. — Пойдём!

И тогда случилось невероятное.

Сергей Владимирович шагнул к нам. Я напряглась, ожидая, что он вырвет сына из моих рук, прикажет мне убираться, уничтожит меня взглядом. Но он просто остановился рядом и посмотрел на сына. Долго. Внимательно. А потом перевёл взгляд на меня.

— Она не будет носиться с тобой по этажам, — сказал он Лёшке. — У неё работа.

Лёшка надул губы.

— Мама, — сказал он.

Я замерла.

— Что? — переспросила я, не веря своим ушам.

— Мама, — повторил Лёшка и погладил меня по щеке своей маленькой ладошкой. —

Моя мама.

У меня перехватило дыхание. Я посмотрела на Сергея. Его лицо окаменело. В мятных глазах промелькнула такая боль, что я на секунду забыла, как дышать. Он сжал челюсть, и на скулах заиграли желваки.

— Он не понимает, что говорит, — сказал Сергей хрипло. — Он маленький.

— Я знаю, — сказала я тихо. — Я не...

— Отдай его няне, — перебил он. — И иди домой. Завтра в восемь. Не опаздывай.

Он развернулся и ушёл в кабинет, закрыв за собой дверь. Я слышала, как щёлкнул замок.

Я стояла посреди приёмной, прижимая к себе тёплого, доверчивого Лёшку, и чувствовала, как у меня внутри всё переворачивается.

— Мама, — снова сказал Лёшка, глядя на меня своими мятными глазами.

Я прижала его крепче и прошептала:

— Я не мама, малыш. Я просто тётя Стеша.

Но в груди что-то щемило. И я смотрела на закрытую дверь кабинета, за которой остался Сергей Владимирович. Он ушёл, но я видела его лицо. Боль. Такую глубокую, что она не умещалась в его холодных глазах.

Я отнесла Лёшку няне, которая стояла в коридоре и тряслась от страха.

— Он ничего не сказал? — спросила она шёпотом.

— Нет, — ответила я. — Он... он ушёл.

Няня перевела дух.

— Девочка, вы не представляете, как вам повезло. Обычно он за такое увольняет. Мгновенно.

Я посмотрела на закрытую дверь его кабинета и улыбнулась.

— Может, он не такой страшный, каким кажется.

Няня фыркнула, забрала Лёшку и ушла, бормоча что-то о том, что наивные девчонки всегда так думают.

Я вернулась к своему столу, собрала вещи, выключила компьютер. И уже взявшись за дверь, услышала его голос. Тихо. Почти неслышно.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он стоял в дверях кабинета, прислонившись плечом к косяку. Без пиджака, без галстука. Смотрел на меня странным взглядом, в котором смешались усталость, злость и что-то ещё. Что-то мягкое, что он пытался спрятать.

— Ты сегодня спасла его от падения, — сказал он. — Ты сегодня носилась с ним как с собственным. Ты сегодня показала ему рыбок. И он назвал тебя мамой.

Он сделал паузу.

— Я не знаю, кто ты на самом деле. Я не знаю, что ты задумала. Но если ты хоть раз причинишь ему боль — я сотру тебя в порошок. Ты поняла?

Я смотрела на него. В его глаза. В его лицо, которое было таким каменным, но таким уязвимым в эту секунду.

— Я не собираюсь причинять ему боль, — сказала я тихо. — Я просто... я не могу смотреть на детей и быть равнодушной. Это не игра. Это я.

Он молчал.

Я развернулась и пошла к лифту. Но на прощание сказала через плечо:

— Спокойной ночи, Сергей Владимирович. И Лёшке передайте... пусть ему снятся рыбки.

Я не видела его лица. Но когда двери лифта закрылись, я услышала, как он тихо выдохнул. Несколько секунд я стояла в лифте, прижимая к груди папку и чувствуя, как сильно бьётся сердце.

Он был монстром. Он был льдом. Но в нём было что-то ещё. Что-то, что он прятал даже от самого себя.

В холле я остановилась у огромного аквариума. Рыбки плавали за стеклом, разноцветные, беззаботные. Я посмотрела на них, улыбнулась и прошептала:

— Ты запомнил меня, Лёшка. И ты назвал меня мамой.

Я закрыла глаза и почувствовала, как на губах расцветает самая счастливая улыбка за этот бесконечный день.

А на пятьдесят шестом этаже Сергей Горский стоял у панорамного окна, смотрел на городские огни и не мог выкинуть из головы одну картинку: его сын на руках у этой странной девчонки в кедах, с небрежным пучком и дурацкими очками.

И он снова прошептал:

— Бусинка.

Я вышла из «Горский-дом» и вдохнула вечерний воздух. Город шумел, машины сигналили, где-то играла музыка, но я ничего не слышала. В ушах всё ещё звучал голос Лёшки: «Мама». И его голос — Сергея Владимировича: «Бусинка».

Я усмехнулась, поправила ляжку сумки и пошла к метро. Кеды мягко ступали по асфальту, и я чувствовала, как усталость разливается по телу. Но внутри было тепло. Странное, непривычное тепло.

Моя квартира встретила меня тишиной и полумраком. Маленькая студия в старом доме, где скрипел пол и батареи грели через раз. Но это был мой дом. Мой, который я снимала сама, на свои деньги. Без помощи родителей.

Я бросила сумку на пол, скинула кеды у порога и прошла на кухню. Заварила чай, села на подоконник, обхватив кружку ладонями, и уставилась в окно. Фонари зажигались один за другим, город готовился ко сну.

Я взяла телефон.

Пальцы сами набрали номер. Старый, знакомый до боли номер, который я помнила наизусть, даже когда пыталась забыть.

Гудок. Второй. Третий. Сердце колотилось где-то в горле.

— Алло? — голос мамы. Холодный, официальный. Таким голосом разговаривают с незнакомцами.

Я замерла. Слова застряли в горле.

— Мам, привет, это...

— Я знаю, кто это, — перебила мама. — Что тебе нужно, Стефания?

Я сглотнула.

— Я просто... я сегодня устроилась на работу. В «Горский-дом». Личным помощником Сергея Горского.

Тишина. А потом короткий, сухой смех.

— «Горский-дом»? Сергей Горский? Тот самый, который строит половину города? И ты — его помощница? — мама усмехнулась. — Стефания, ты опять за своё? Пытаешься доказать, что ты что-то из себя представляешь? Прекрати. Ты уже взрослая девочка. Хватит играть в эти игры.

У меня защипало в глазах.

— Я не играю, — сказала я тихо. — Я работаю. Я стараюсь. У меня есть проекты, которые...

— Слушай, — снова перебила мама. — Аврора сегодня поступила в Лондонскую школу бизнеса. Ей восемнадцать, и она уже сделала больше, чем ты за пять лет. Может быть, тебе стоит взять с неё пример?

Я закрыла глаза.

— Я просто хотела рассказать, как у меня день...

— У нас нет времени. У нас ужин с инвесторами. Ты бы могла позвонить завтра. Или вообще не звонить. Ты же выбрала свой путь, Стефания. Ты сама отказалась от фамилии, от денег, от нас. Вот и живи, как хочешь.

— Мама...

— Пока.

Гудки.

Я смотрела на чёрный экран телефона. Смотрела долго, пока буквы не начали расплываться.

И я улыбнулась.

Самой горькой, самой светлой улыбкой, на которую была способна.

— Ну конечно, — прошептала я. — Аврора поступила. Аврора умница. Аврора — надежда семьи. А я... я просто Стефания. Которая сменила фамилию. Которая ушла. Которая никому не нужна.

Я сделала глоток чая и посмотрела на свою папку с проектами. На столе лежали эскизы. Мои эскизы. Мои ночи. Мои слёзы, которые я проливали, когда никто не видел.

Я взяла телефон снова. Нашла в контактах номер, который сохранила несколько лет назад. Аврора. Маленькая сестрёнка, которая даже не знала, как я живу.

Я написала короткое сообщение:

«Поздравляю с поступлением! Ты молодец. Горжусь тобой #»

Отправила. И убрала телефон подальше.

Аврора ответит. Через день. Через неделю. Или вообще не ответит. Как всегда.

Я встала, подошла к столу, взяла карандаш и начала рисовать. Дом. Большой. Светлый. С садом, где бегают дети. С окнами, в которые врывается солнце. С террасой, где можно пить кофе и никуда не спешить.

Я рисовала, и слёзы капали на бумагу, но я не вытирала их. Они были частью меня. Частью того, что я прятала внутри.

Сколько лет я уже одна? Семь? Восемь? С тех пор, как в восемнадцать я сказала родителям: «Я не хочу ваших денег. Я хочу сама». Они не поняли. Они назвали меня неблагодарной. И переключили всё внимание на Аврору. Маленькую, послушную, красивую Аврору, которая никогда не спорила, никогда не перечила, никогда не сбегала в полночь с чемоданом и двумя тысячами рублей в кармане.

Я думала, они поймут. Я думала, они будут скучать. Я думала, они хотя бы позвонят. Но прошло полгода. Год. Два. А потом я поняла — они не позвонят. Они выбрали. Не меня.

Но сегодня, когда я стояла на подоконнике и смотрела на город, я чувствовала, что впервые за долгое время я не одна.

У меня есть Лёшка, который назвал меня мамой.

У меня есть Сергей Владимирович, который назвал меня бусинкой.

И даже если он ненавидит меня, даже если это просто игра, просто работа — я чувствовала, что я живу. Что я нужна. Пусть этому ребёнку. Пусть этому холодному мужчине, который прячет боль за сталью.

Я допила чай, убрала эскизы и легла в кровать. Потолок был белый, но я видела там другую картину. Мятные глаза. Светлые волосы Лёшки. Его смех.

Я закрыла глаза и прошептала в темноту:

— Я справлюсь. Я всегда справлюсь.

И заснула, сжимая в руках телефон, на котором так и не появилось уведомление от младшей сестры.

Глава 3

Глава 2. Ты снова здесь

Стефания

В восемь утра я стояла перед дверями «Горский-дом» с чашкой кофе в одной руке и папкой в другой.

Я не спала почти всю ночь. Сначала рисовала, потом ворочалась в кровати, прокручивая в голове вчерашний день. Лёшка. Его «мама». Его глаза — Сергея Владимировича, в которых плескалась такая боль, что я до сих пор не могла её забыть. А потом телефон, холодный голос мамы, и тишина в ответ на моё сообщение Авроре.

Но я пришла. Потому что я — Ветрова. И я не сдаюсь.

На ресепшене меня встретила всё та же стерильная улыбка. В лифте я поправила небрежный пучок, который уже начал растрепываться, и вздохнула. Сегодня я надела джинсы. Светло-голубые, с высокой посадкой, и простую белую футболку. И снова белые кеды. Вчерашний день доказал мне, что если я буду носить строгие костюмы — я умру от скуки. А если меня уволят за дресс-код — значит, так тому и быть.

Когда двери лифта открылись на пятьдесят шестом этаже, я увидела его.

Сергей Владимирович стоял в приёмной, прямо у моего стола. Тёмно-синий костюм, идеально сидящий на широких плечах. Галстук затянут. Волосы уложены. Ни следа вчерашней усталости. Он выглядел так, будто вообще не спал, но при этом был собран как стальная пружина.

Он смотрел на мои кеды.

Я замерла.

— Доброе утро, Сергей Владимирович, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал бодро. — Я не опоздала.

— Ты опоздала на три минуты, — сказал он холодно.

Я посмотрела на часы.

— Но сейчас ровно восемь...

— Три минуты назад должно было быть готово моё расписание на сегодня, — перебил он. — Где оно?

Я открыла рот, чтобы сказать, что расписание я подготовила вчера вечером, но он не дал мне говорить.

— Кофе, — сказал он. — И быстро. У меня встреча через пятнадцать минут.

Он развернулся и ушёл в кабинет, даже не взглянув на меня.

Я стояла посреди приёмной с чашкой в руках и чувствовала, как внутри закипает злость.

Он специально. Он ждал меня, чтобы устроить этот спектакль. Он хочет меня сломать.

Я сжала зубы, зашла в маленькую кухню и приготовила кофе. Чёрный, без сахара. Левая тумбочка. Вода девяносто градусов. Я выучила это наизусть вчера.

Зашла в кабинет. Он стоял у панорамного окна, спиной ко мне. Протянул руку за чашкой, не оборачиваясь.

— Не урони, Бусинка, — сказал он тихо.

Я вздрогнула. Снова это слово. Он снова назвал меня так, и в голосе его не было насмешки. Только лёгкая, едва заметная... усмешка?

— Я не роняю, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Кофе.

Он взял чашку, сделал глоток. Молчал. Я стояла и ждала, когда он прогонит меня.

— Сядь, — сказал он неожиданно.

— Что?

— Сядь, Ветрова. У меня к тебе разговор.

Я села на край стула, не понимая, чего ожидать. Он опустился в своё кресло и смотрел на меня поверх чашки. Мятные глаза — холодные, внимательные. Он изучал меня, как чертёж. Как проект. Как ошибку, которую нужно исправить.

— Ты знаешь, кто я, — сказал он. — Ты знаешь, что я строю «Горский-дом». Ты знаешь, что я не терплю слабаков. Ты спасла моего сына. Ты показала ему рыбок. Ты дала ему то, чего я не могу дать — время. И внимание. И это меня бесит.

Он говорил спокойно, но в его голосе я слышала что-то новое. Не холод. Не сталь. Что-то... честное.

— Я не понимаю, — сказала я тихо. — Что вы хотите от меня?

Он откинулся на спинку кресла и посмотрел на меня долгим взглядом.

— Я хочу знать, зачем ты здесь, — сказал он. — Ты — архитектор. Талантливый. Я видел твои проекты. Они хороши. Ты могла бы работать в любой компании в городе. Но ты пришла ко мне. И ты согласилась быть моей помощницей, хотя это унижительно для такого уровня, как ты. Почему?

Я смотрела на него. И впервые за всё время я не видела в его глазах желания уничтожить меня. Я видела любопытство. Настоящее, человеческое любопытство.

Я вздохнула.

— Потому что я хочу учиться, — сказала я. — У вас лучшая компания. У вас лучшие проекты. Я хочу быть рядом, видеть, как вы работаете, как вы принимаете решения. Да, я архитектор. Но я не знаю всего. И я хочу научиться. Даже если для этого придётся носить кофе.

Он молчал. Долго. Потом его губы дрогнули.

— Ты странная, — сказал он. — Ты носишь кеды на работу, не боишься меня, смеёшься с моим сыном так, будто знаешь его всю жизнь. У тебя в глазах — огонь, хотя ты выглядишь как ребёнок. Кто ты на самом деле, Ветрова?

Я похолодела на секунду. Он спрашивал о прошлом, о семье, о том, что я прятала годами. Но в его голосе не было злобы. Только любопытство. И я вдруг поняла, что не хочу ему лгать.

— Я просто Стефания, — сказала я. — Ветрова. Я хочу строить дома. Я хочу, чтобы мои проекты жили. Я хочу доказывать, что я чего-то стою. И если для этого нужно работать с вами — я буду работать. Даже если вы будете каждый день проверять меня на прочность.

Он смотрел на меня долго. Так долго, что я почувствовала, как у меня начинают гореть щёки.

— Ты не боишься, — сказал он наконец. — Ты действительно не боишься.

— Зачем бояться? — улыбнулась я. — Вы всё равно не убьёте меня. А если уволите — я найду другую работу. Но я хочу остаться здесь. И я докажу, что достойна.

Он усмехнулся. Но в его усмешке не было зла. Она была усталой. Почти тёплой.

— Тогда работай, Ветрова. И не смей подводить меня.

Я встала, чувствуя, как у меня кружится голова. Он дал мне шанс. Просто так. Без условий. Я хотела улыбнуться, но сдержалась. Вместо этого я кивнула и пошла к двери.

— Ветрова.

Я обернулась.

Он смотрел на меня поверх чашки, и в его глазах мелькнула та самая тень боли, которую я видела вчера.

— Лёшка вчера спрашивал про тебя. Всю ночь. Он сказал, что ты — его мама.

Я замерла.

— Он не понимает, что говорит, — сказал он тихо. — Но я хочу, чтобы ты знала: я не могу дать ему мать. Я не могу заменить её. Но если ты будешь рядом — осторожно. Без обещаний. Без надежды. Ты поняла?

Я смотрела на него. На его глаза. На его руки, которые слегка дрожали, когда он ставил чашку на стол.

— Поняла, — прошептала я.

И вышла из кабинета, чувствуя, как внутри всё переворачивается.

Лёшка спросил про меня. Всю ночь.

Сергей Владимирович сказал, что я нужна ему.

Я стояла у своего стола, смотрела на закрытую дверь его кабинета и не могла дышать.

— Что ты делаешь со мной, Горский? — прошептала я.

Я сидела за своим столом и пыталась сосредоточиться на расписании, но перед глазами всё ещё стояла картина: Сергей Владимирович с чашкой кофе, его дрожащие пальцы, его тихое: *«Лёшка сказал, что ты — его мама»*.

Сердце билось где-то в горле, и я никак не могла успокоиться. Я смотрела на экран компьютера, но цифры и буквы сливались в одну бессмысленную кашу.

— Ветрова!

Голос Сергея Владимировича вырвал меня из оцепенения.

Я вскочила, влетела в кабинет и увидела его раздражённое лицо.

— Где контракты, которые я просил?

— Я... сейчас, — я заметалась, пытаюсь вспомнить, куда положила папку. Вчерашний день был таким хаосом, что я уже не помнила, что делала в последние часы.

— Ты не на месте, — сказал он резко, глядя на меня поверх очков. — Приди в себя, Ветрова. У тебя работа.

— Я приду, — буркнула я, чувствуя, как щёки заливают краской. — Я просто...

— Не оправдывайся. Иди. Найди контракты. Ты — мой помощник, а не растерянный ребёнок.

Я вылетела из кабинета, готовая разрыдаться от злости. Как он смеет! Как он смеет так со мной разговаривать, когда сам только что был почти человеческим?

Я нашла контракты на дне стола — оказывается, я сама их туда сунула вчера, когда бегала с двенадцатой чашкой кофе. Схватила папку и побежала обратно к кабинету.

Но на полпути я услышала топот.

Маленький, быстрый, счастливый топот.

Я обернулась и успела ровно настолько, чтобы поймать светловолосого урагана, который врезался мне в ноги.

— Стеша! — закричал Лёшка так громко, что звон в ушах стал почти болезненным. — Стеша!

Я рассмеялась, опустилась на корточки и подхватила его на руки. Тёплый, пахнущий молоком и детским шампунем, он обхватил мою шею и прижался мокрым носом к моей щеке.

— Лешка, ты откуда? — спросила я, чувствуя, как сразу становится легче. Как вся злость и раздражение куда-то улечиваются.

— Я убежал! — радостно сообщил он. — Няня спит!

— Сп...

Я подняла глаза и увидела запыхавшуюся женщину, которая бежала по коридору с совершенно убитым выражением лица.

— Простите! — простонала она. — Он услышал ваше имя и просто... он... я на секунду отвернулась...

— Всё нормально, — улыбнулась я. — Он у меня.

Лёшка посмотрел на меня серьёзно и вдруг спросил:

— Ты будешь моя мама?

У меня перехватило дыхание. Я открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— Леша, — раздался голос за моей спиной.

Холодный. Стальной.

Я обернулась. Сергей Владимирович стоял в дверях кабинета и смотрел на нас. На меня. На Лёшку. На няню, которая прятала глаза.

— Папа! — Лёшка заулыбался и протянул к нему руки. — Смотри, Стеша! Моя Стеша!

Сергей не пошевелился. Его лицо оставалось каменным, но в мятных глазах что-то дрогнуло. Я видела, как он сжал челюсть, как на скулах заиграли желваки.

— Я же сказал, — тихо произнёс он, глядя на няню. — Ты отвечаешь за его безопасность.

Если он снова убежит — ты уволена.

Няня побледнела.

— Простите, Сергей Владимирович, он услышал...

— Я услышал! — перебил её Лёшка, гордо подняв подбородок. — Я услышал Стешу!

И я прибежал!

Сергей перевёл взгляд на сына. На его лице не было злости. Только усталость. И что-то похожее на отчаяние.

— Леша, иди к няне, — сказал он тихо.

— Нет! — Лёшка вцепился в мою шею. — Я с Стешей!

— Леша.

— Нет, папа!

Я чувствовала, как маленькие пальчики сжимают мою футболку. Как он дрожит. Как он боится, что его отнимут.

Я посмотрела на Сергея Владимировича.

— Можно я... — начала я тихо. — Можно я отнесу его к няне? Он успокоится. Потом я вернусь.

Сергей смотрел на меня. Долго. Так долго, что я подумала — сейчас он вырвет сына из моих рук и выгонит меня из компании.

— Пять минут, — сказал он наконец. — И ты возвращаешься к работе.

Я кивнула и пошла по коридору с Лёшкой на руках. Няня семенила за мной, но я чувствовала взгляд Сергея Владимировича на своей спине. Тяжёлый, напряжённый.

— Лёшка, — сказала я тихо, когда мы зашли в маленькую гостиную рядом с его кабинетом. — Почему ты убегаешь от няни?

Мальчик посмотрел на меня серьёзно.

— Няня не смеётся, — сказал он. — А ты смеёшься. Ты смешная. И ты пахнешь вкусно.

И у тебя очки. Я люблю очки.

Я засмеялась, прижимая его к себе.

— А как ты меня нашёл?

— Я знаю, где ты! — гордо сказал он. — Ты там, где папа. Я слышал, как папа говорил: «Ветрова, кофе». И я побежал!

Я покачала головой. Этот маленький человек за несколько секунд вычислил, где я нахожусь, просто по голосу отца. И прибежал ко мне.

— Ты очень умный, Лешка, — сказала я.

— Да, — согласился он. — Я умный. И я хочу с тобой играть.

Я посадила его на диван и присела рядом.

— Лешка, я должна работать. Я не могу всё время играть с тобой.

Он надул губы и уставился на меня глазами-блюдцами. В них была такая обида, что моё сердце разрывалось.

— Почему? — спросил он шёпотом. — Ты не хочешь со мной?

— Хочу, — сказала я честно. — Очень хочу. Но мне нужно зарабатывать деньги. Понимаешь?

Он подумал несколько секунд, а потом выдал:

— Папа даст тебе деньги. Папа богатый. Ты будешь играть со мной.

Я улыбнулась.

— Так не работает, малыш. Я должна работать. Но знаешь что? Когда у меня будет перерыв — я могу с тобой порисовать. Хочешь?

Лёшка закивал, его глаза загорелись.

— Рисовать! Я люблю рисовать!

— Отлично, — я встала и взяла его за руку. — А теперь давай я отведу тебя к няне, хорошо?

— А ты придёшь?

— Приду, — пообещала я. — Честное слово Ветровой.

Он посмотрел на меня серьёзно и протянул мизинец.

— Дай слово.

Я скрепила его мизинец своим и почувствовала, как тепло разливается по груди.

— Слово.

Няня забрала Лёшку, который больше не сопротивлялся, и улыбнулась мне благодарно.

— Спасибо, — прошептала она. — Вы не представляете, как он редко успокаивается.

— Он просто хочет внимания, — сказала я. — Он хочет, чтобы его любили.

Няня вздохнула.

— Все хотят, девочка. Но не все это получают.

Я вернулась в приёмную, чувствуя лёгкость на душе. Лёшка был таким тёплым, таким искренним... И как он смотрел на меня! Как на спасение.

Я села за стол и улыбнулась своим мыслям. И в этот момент дверь кабинета открылась.

Сергей Владимирович вышел, поправляя запонки. Он посмотрел на меня, и его взгляд изменился. Он был холодным, но в нём промелькнуло что-то новое. Что-то мягкое, что он пытался спрятать.

— Ты успокоила его, — сказал он.

— Я просто поговорила с ним, — ответила я. — Он хочет, чтобы с ним играли.

— У меня нет на это времени, — сказал он жёстко.

— У меня тоже нет, — ответила я так же жёстко. — Но я выкрою. Потому что дети не виноваты в том, что их родители заняты.

Он посмотрел на меня так, будто я ударила его. В его глазах вспыхнуло раздражение, но он промолчал.

— Заканчивай с расписанием, — сказал он. — Через час у меня встреча с заказчиками. Ты будешь записывать.

Я кивнула.

— И Ветрова...

Я подняла голову.

— Спасибо, — сказал он тихо. И ушёл обратно в кабинет, оставив меня сидеть с открытым ртом.

Я смотрела на закрытую дверь и чувствовала, как всё внутри переворачивается.

Спасибо. Он сказал «спасибо».

Я улыбнулась и взялась за расписание, но в голове крутилась только одна мысль: «*Что ты со мной делаешь, Горский?*»

Через час я сидела в переговорной с планшетом в руках и чувствовала, как у меня трясутся колени.

Потому что я никогда не была на таких встречах.

За огромным стеклянным столом сидели пятеро мужчин в дорогих костюмах. Инвесторы. Застройщики. Люди, которые решали судьбу многомиллионных проектов. Они гово-

рили о цифрах, сроках, материалах, и я чувствовала себя маленькой девочкой, которая случайно зашла не в ту дверь.

Сергей Владимирович сидел во главе стола. Спокойный, уверенный, холодный. Он не смотрел на меня. Он смотрел на инвесторов, и каждое его слово было взвешенным, точным, как удар скальпеля.

— Проект «Горизонт» требует пересмотра бюджета, — сказал один из инвесторов, мужчина лет пятидесяти с сединой на висках. — Ваши цифры не совпадают с нашими расчётами. Мы не можем вложить столько в фасад, который, возможно, не окупится.

Я замерла.

— Бюджет утверждён, — ответил Сергей Владимирович холодно. — Фасад с динамической подсветкой — это не просто эстетика. Это экономия на электроэнергии в долгосрочной перспективе. Я приведу цифры.

Он кивнул на меня.

— Ветрова, покажи расчёты по энергоэффективности.

Я похолодела.

— Я...

— Расчёты, — повторил он, и в его голосе послышалась сталь.

Я лихорадочно зарылась в планшет. У меня не было расчётов. Я не готовилась к этой встрече. Я думала, что просто буду записывать.

— Сергей Владимирович, я не... — начала я, чувствуя, как горят щёки.

Он посмотрел на меня. В его мятных глазах мелькнуло разочарование. Острое, как нож.

— Ветрова, ты мой помощник. Ты должна быть готова к любым вопросам.

Инвесторы переглянулись. Кто-то усмехнулся.

— Сергей Владимирович, вы взяли на работу ребёнка? — спросил седой мужчина с иронией. — Она выглядит так, будто только что из университета.

Я сжала зубы.

— Я действительно из университета, — сказала я. — Но я знаю проект «Горизонт» лучше, чем кто-либо здесь.

Тишина. Инвесторы смотрели на меня с удивлением. Сергей Владимирович — с лёгким прищуром.

— Правда? — спросил седой мужчина. — И что же вы можете сказать о фасаде?

Я встала.

— Фасад с динамической подсветкой — это не просто красиво, — сказала я, чувствуя, как внутри закипает азарт. — Это система, которая адаптируется к погодным условиям. В дождливую погоду снижается яркость, чтобы не создавать блики. В солнечную — усиливается, чтобы здание выделялось. Это снижает энергопотребление на тридцать процентов по сравнению с обычными системами подсветки.

Инвестор поднял бровь.

— И откуда у вас эти цифры?

Я улыбнулась.

— Потому что я участвовала в разработке этого фасада. Это моя дипломная работа, которую адаптировали под ваш проект.

Тишина стала плотной, как бетон. Инвесторы переглянулись. Седой мужчина посмотрел на Сергея Владимировича.

— Это правда?

Сергей Владимирович молчал. Он смотрел на меня, и в его глазах я читала смешанные чувства. Удивление. Злость. И что-то ещё... что-то похожее на гордость.

— Она действительно разработала концепцию фасада, — сказал он наконец. — Ветрова — талантливый архитектор. Я взял её в компанию не только как помощника.

Инвесторы загудели. Кто-то заулыбался, кто-то нахмурился.

— Почему же вы скрываете такой талант? — спросил седой мужчина. — Она могла бы возглавить проект!

— Она ещё молода, — ответил Сергей Владимирович. — Но она учится. И сегодня она доказала, что знает своё дело.

Я смотрела на него, не веря своим ушам. Он защищал меня. Он признал мою работу. При всех.

Инвесторы закивали. Седой мужчина улыбнулся мне.

— Тогда, Стефания, — сказал он. — Может быть, вы расскажете нам про другие проекты? Мы заинтересованы.

Я взглянула на Сергея Владимировича. Он едва заметно кивнул.

И я начала говорить.

Я говорила о проектах, которые разрабатывала ночами, о зданиях, которые строила в своих мечтах, о том, как можно сделать город красивее, функциональнее, удобнее. Я показывала эскизы на планшете, чертила схемы прямо в воздухе пальцами и чувствовала, как у меня горят глаза.

Инвесторы слушали. Задавали вопросы. Улыбались.

А Сергей Владимирович молчал. Он сидел во главе стола, сложив руки на груди, и смотрел на меня. Его глаза больше не были холодными. В них была лёгкая усмешка. Почти нежность.

Когда встреча закончилась, инвесторы пожали мне руку.

— У вас талант, — сказал седой мужчина. — Если Сергей Владимирович не оценит вас — мы перекупим.

Я засмеялась, чувствуя, как у меня кружится голова от счастья.

Они вышли из переговорной, и я осталась одна. Стояла посреди комнаты, прижимая планшет к груди, и не верила, что это только что произошло.

— Ветрова.

Я обернулась.

Сергей Владимирович стоял в дверях. Он смотрел на меня, и в его глазах больше не было стали. Но и тепла — тоже. Он выглядел серьёзным. Уставшим. И раздражённым.

— Зайди в кабинет, — сказал он коротко и развернулся.

Я вошла следом, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он опустил в кресло, откинулся на спинку и посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом.

— Ты показала себя, — сказал он. — Ты доказала, что ты не просто помощник. Ты — архитектор. И это была хорошая импровизация.

Я улыбнулась, но улыбка тут же погасла, когда он продолжил.

— Но! — его голос стал жёстче. — Ты не подготовилась. Ты пришла на встречу с инвесторами без расчётов, без цифр, без чёткого понимания, что тебя могут спросить. Ты надеялась на удачу. Это непрофессионально.

Я опустила глаза.

— Я не знала, что меня будут спрашивать...

— Ты должна знать, — перебил он. — Ты — мой помощник. Ты должна быть готова к любым вопросам. Неважно, архитектор ты или курьер. Если ты в этой комнате — ты представляешь «Горский-дом». Ты не имеешь права выглядеть растерянной.

Я сжала губы.

— Я справилась, — сказала я тихо.

— Ты справилась благодаря своему таланту, — поправил он. — Но талант не заменит подготовки. В следующий раз, если я спрошу тебя о расчётах — у тебя они будут. Даже если для этого придётся сидеть до полуночи. Ты поняла?

Я подняла глаза и встретила его взгляд. В них больше не было злости. Только требовательность. Строгость наставника.

— Поняла, — ответила я.

Он кивнул и немного смягчился.

— И всё же... ты хорошо говорила. Инвесторы были впечатлены. Седой, Пётр Иванович, — он спросил, не хочешь ли ты перейти к ним.

Я удивилась.

— Правда?

— Правда, — усмехнулся он. — Но я сказал, что ты — моя. И я не отдам тебя так просто. Моё сердце пропустило удар.

— Я... я ваша? — переспросила я растерянно.

Он поднял бровь, понял, как это прозвучало, и его губы дрогнули в усмешке.

— Ты мой помощник, — поправил он. — Ты работаешь на меня. Это всё, что я имел в виду.

Я кивнула, но внутри всё перевернулось.

— Иди, — сказал он. — И подготовь расчёты по «Горизонту» к завтрашнему утру. Если они будут не готовы — ты не получишь доступ к новым проектам.

Я развернулась и пошла к двери, но у самого выхода остановилась.

— Сергей Владимирович.

— Что?

— Спасибо, — сказала я. — Что не позволили им меня перекупить.

Он усмехнулся.

— Иди работай, Бусинка.

Я вышла из кабинета, чувствуя, как сердце бьётся где-то у горла.

Он сказал, что я — его. Что он не отдаст меня.

А потом он снова назвал меня Бусинкой.

Я села за свой стол и не могла удержать улыбку. Он ругал меня. Строго, жёстко, по-деловому. Но в его голосе было что-то ещё. Что-то, что не давало мне успокоиться.

«Ты — моя», — сказал он.

Я закрыла глаза и почувствовала, как внутри разливается тепло.

Что ты делаешь со мной, Горский? Что ты делаешь?

Я не заметила, как стемнело.

Сначала я думала, что управлюсь за час. Потом — за два. Но расчёты по «Горизонту» оказались сложнее, чем я предполагала. Я перепроверяла цифры, сверялась с документами, искала ошибки в старых отчётах и чувствовала, как усталость медленно, но верно затягивает меня в своё болото.

На часах было уже девять вечера, когда я наконец-то выдохнула, откинулась на спинку стула и закрыла глаза.

Тишина. Офис опустел. Огни города мерцали за огромными панорамными окнами. Я смотрела на них и думала о том, как странно устроена жизнь. Ещё вчера я была никем. А сегодня меня хвалили инвесторы, а Сергей Владимирович сказал, что я — его.

Я усмехнулась своим мыслям и потянулась, разминая затекшую шею.

И в этот момент я услышала звук.

Тихий, всхлипывающий звук, который доносился откуда-то из коридора.

Я насторожилась. Встала, вышла в приёмную и замерла.

В углу, у самого входа, сидел Лёшка.

Маленький, светловолосый, в пижаме с мишками. Он сидел на полу, поджав колени к груди, и тихо плакал. Слезы катились по его щекам, он шмыгал носом и вытирал глаза кулачками.

— Лешка! — я бросилась к нему и опустилась на корточки. — Ты что здесь делаешь? Почему ты один?

Он поднял на меня заплаканные глаза, и у меня сердце разорвалось на части.

— Стеша, — всхлипнул он. — Я хочу к тебе.

— Как ты сюда попал? — я осмотрела коридор, но никого не увидела.

— Я убежал, — сказал он шёпотом. — Няня злая. Я не хочу к няне. Я хочу к тебе.

Я притянула его к себе, чувствуя, как он дрожит. Он был холодным, босым, в одних носках. Пижама была тонкой, не для того чтобы сидеть на холодном полу.

— Лешка, ты замёрз, — я сняла свою лёгкую кофту и укутала его. — Пойдём, я посажу тебя на диванчик, хорошо?

Он кивнул, но не отпускал меня. Я подхватила его на руки — он был таким лёгким, почти невесомым — и понесла в приёмную. Посадила на маленький диванчик, укрыла своей кофтой, присела рядом и взяла его за руки.

— Расскажи мне, что случилось, — сказала я мягко. — Почему няня злая?

Лёшка всхлипнул и вытер нос рукавом пижамы.

— Я не хотел спать, — сказал он. — Я хотел смотреть рыбок. А няня сказала: «Лешка, нельзя, поздно, папа будет ругаться». А я хотел! Я хотел показать рыбкам Стешу!

Он снова заплакал, и я прижала его к себе.

— Лешка, я не могу смотреть рыбок поздно. Мне нужно работать. Понимаешь?

— Ты всегда работаешь! — выкрикнул он с обидой. — Ты всё время работаешь! Ты как папа! Вы оба работаете, и никто не хочет со мной играть!

У меня комок подступил к горлу.

— Лешка, я хочу, — сказала я тихо. — Я очень хочу с тобой играть. Но я должна зарабатывать деньги. Ты же понимаешь?

Он посмотрел на меня своими огромными мятными глазами, и в них была такая боль, что я готова была бросить всё и бежать с ним смотреть рыбок хоть до утра.

— А ты не уйдёшь? — спросил он шёпотом. — Ты не уйдёшь как мама?

У меня сердце остановилось.

— Лешка...

— Мама ушла, — сказал он, и его голос дрогнул. — Она сказала: «Я уйду, Лешка, я больше не могу». И ушла. И больше не пришла. А ты уйдёшь?

Я смотрела на него, и слёзы жгли мои глаза. Мне было двадцать три года, я не была его матерью, я не знала, что говорить в таких ситуациях. Но я не могла позволить этому ребёнку думать, что его бросят снова.

Я взяла его лицо в ладони, посмотрела в его глаза и сказала:

— Лешка, послушай меня. Я не твоя мама. И я не могу обещать тебе, что буду всегда. Но я обещаю тебе одну вещь.

— Какую? — прошептал он.

— Я не уйду от тебя, не попрощавшись, — сказала я. — Если я когда-нибудь уйду — я скажу тебе. Я обниму тебя и скажу. Я не исчезну, как она. Хорошо?

Он смотрел на меня секунду, а потом бросился ко мне на шею и заплакал. Громко, отчаянно, всем своим маленьким телом.

— Не уходи, — бормотал он. — Ты моя мама. Ты моя мама, Стеша. Я люблю тебя.

Я прижимала его к себе и чувствовала, как по моим щекам текут слёзы. Я гладила его по голове, по светлым волосам, шептала что-то бессвязное, успокаивающее.

— Я здесь, Лешка. Я здесь. Я никуда не уйду.

Мы сидели так неизвестно сколько. Я не знала, сколько времени прошло. Я знала только то, что у меня на руках плакал маленький мальчик, который потерял мать и искал её в каждой женщине, которая улыбалась ему.

— Лешка, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулась.

В дверях стоял Сергей Владимирович. Он был без пиджака, в одной белой рубашке, с расстегнутой верхней пуговицей. Волосы были взлохмачены, под глазами залегли тени. Он выглядел уставшим — и испуганным.

— Лешка, что ты здесь делаешь? — спросил он, подходя ближе.

— Я хочу к Стеше! — выкрикнул Лёшка, не отпуская меня. — Не отнимай меня, папа! Не отнимай!

Сергей остановился. Он смотрел на нас — на сына, который вцепился в меня мёртвой хваткой, и на меня, с мокрым лицом и красными глазами.

— Я ищу его уже полчаса, — сказал он тихо. — Он убежал от няни. Я думал... я не знал, где он.

— Он пришёл ко мне, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Он плакал. Он сказал, что няня злая. И что вы оба всё время работаете.

Сергей сжал челюсть. Он подошёл ближе и присел перед сыном на корточки.

— Лешка, ты не можешь убежать, — сказал он мягко, но с ноткой стали. — Ты меня пугаешь. Ты понимаешь?

— Ты тоже не играешь со мной! — всхлипнул Лёшка. — Ты всегда работаешь! А Стеша работает, но она меня не прогоняет! Она со мной играет!

Сергей перевёл взгляд на меня. В его глазах было что-то сложное. Смесь вины, благодарности и растерянности.

— Ты осталась допоздна, — сказал он. — Я думал, ты уже ушла.

— Я готовила расчёты, — ответила я. — Как вы просили.

Он кивнул.

— Лешка, иди к няне, — сказал он. — Ей пора спать.

— Нет! — Лёшка вцепился в меня так, что я почувствовала боль. — Я хочу к Стеше! Я с ней хочу спать!

Я посмотрела на Сергея. В его глазах была такая беспомощность, что у меня защемило сердце. Этот сильный, холодный, стальной мужчина не знал, что делать с собственным сыном.

— Можно я его уложу? — спросила я тихо. — Я почитаю ему сказку. И он уснёт.

Сергей смотрел на меня долго. Секунду. Две. Пять.

— Ты не обязана, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я. — Я хочу.

Он вздохнул и кивнул.

— Хорошо. Но только одну сказку.

Лёшка поднял на меня заплаканные глаза и улыбнулся. Сквозь слёзы. Самая красивая улыбка в мире.

— Стеша, ты моя мама, — прошептал он.

Я прижала его к себе и прошептала в ответ:

— Я твоя Стеша. Иди, я отнесу тебя в кроватку.

Я взяла его на руки и пошла в детскую, чувствуя, как за моей спиной стоит Сергей Владимирович и смотрит нам вслед.

Я чувствовала его взгляд на своей спине, когда укладывала Лёшку в кроватку, когда читала ему сказку про зайца, когда он засыпал у меня на руках.

— Стеша, — прошептал он уже сонным голосом. — Ты придёшь завтра?

— Приду, — пообещала я. — Честное слово.

Он улыбнулся и закрыл глаза.

Я сидела в детской, прижимая к себе тёплого спящего ребёнка, и чувствовала, как в груди разливается что-то большое и тёплое.

— Ветрова, — раздался шёпот за спиной.

Я обернулась. Сергей Владимирович стоял в дверях, прислонившись плечом к косяку. Он смотрел на меня, и в его глазах больше не было стали.

— Ты знаешь, что ты делаешь, — сказал он. — Ты знаешь, как с ним.

Я улыбнулась.

— Это не сложно, — сказала я. — Нужно просто любить его.

Он молчал. Долго. А потом тихо, почти неслышно произнёс:

— Спасибо, Бусинка.

Я посмотрела на него, на его уставшее лицо, на его глаза, в которых плескалась благодарность. И в этот момент я поняла, что влюбляюсь в его сына. А может быть... и в него самого.

— Спокойной ночи, Сергей Владимирович, — прошептала я.

— Спокойной ночи, — ответил он.

Я вышла из детской, оставив Лёшку спать в своей кроватке, и пошла к выходу. А он стоял в коридоре и смотрел мне вслед.

И я слышала, как он тихо прошептал в пустой коридор:

— Ветрова... Стефания... Что ты делаешь со мной?

Суббота. Наконец-то суббота.

Я вышла из дома без всякой цели, просто чтобы дышать. Всю неделю я жила в бешеном ритме: кофе, расписания, встречи, Лёшка, снова кофе, снова Сергей Владимирович с его ледяными глазами и внезапными вспышками тепла. Я устала так, что казалось — мои кости скрипят при каждом шаге.

Но сегодня я никуда не спешила.

Я бродила по торговому центру, разглядывая витрины, но ничего не покупала. Денег было в обрез — зарплата помощника не позволяла шиковать. Но мне нравилось просто смотреть. На красивые вещи, на людей, на детей, которые бегали по коридорам с воздушными шариками.

Я уже собралась уходить, когда почувствовала, что хочу кофе. Маленькая кофейня у детской комнаты — идеальное место, чтобы посидеть, отдохнуть и понаблюдать за чужими счастливыми семьями.

Я взяла капучино, села за столик и уже поднесла чашку к губам, когда услышала голос.

Громкий, требовательный, до боли знакомый.

— Не хочу! Не хочу! Хочу Стешу!

Я замерла.

Медленно обернулась и увидела Лёшку. Он стоял у входа в детскую комнату, надутый, красный, с мокрыми от слёз глазами. Рядом с ним стояла няня — та самая, которая вечно выглядела напуганной. Она пыталась уговорить мальчика зайти внутрь, но он топал ногами и кричал на весь коридор.

— Стеша! Стеша! Мама!

У меня ёкнуло сердце. Я встала, забыв про кофе, и направилась к ним.

— Лешка? — позвала я тихо.

Он обернулся. Увидел меня. И его лицо преобразилось за секунду. Слёзы высохли, глаза засияли, и он рванул ко мне с такой скоростью, что я едва успела присесть, чтобы поймать его.

— Стеша! — закричал он и бросился мне на шею. — Стеша! Стеша!

Он обхватил мою шею пухлыми ручками, прижался мокрой щекой и засопел у меня в плече.

— Я здесь, Лешка, — сказала я, поглаживая его по голове. — Я здесь.

Он отстранился, посмотрел на меня мокрыми глазами и вдруг заулыбался. Широко, по-детски, показывая мелкие молочные зубки.

— Нашёл! — сказал он.

— Нашёл, — согласилась я, улыбаясь. — Молодец.

Няня подошла к нам, красная от смущения.

— Простите, Стефания, он весь день капризничает. Мы пришли в торговый центр, чтобы отвлечь его, но он только сильнее расплакался...

— Всё нормально, — улыбнулась я. — Я как раз никуда не спешу.

Я взяла Лёшку на руки и пошла к своему столику. Посадила его на колени, поправила его светлые волосы, которые вечно торчали в разные стороны.

— Пить! — сказал он, показывая пальцем на мою чашку. — Хочу!

— Это кофе, — сказала я. — Тебе нельзя.

— Пить! — настаивал он.

— Хочешь тёплое молоко с мёдом? — спросила я.

Он подумал секунду, потом серьёзно кивнул:

— Да!

Я заказала ему молоко. Он сидел у меня на коленях, болтал ногами и смотрел по сторонам. Иногда показывал пальцем на что-то и говорил:

— Там! Рыбки!

— Нет, Лешка, там нет рыбок, — смеялась я. — Там люди.

— Люди, — повторил он и захихикал.

Он пил молоко, причмокивая, и я вытирала ему пенку с верхней губы. Он смотрел на меня с обожанием и иногда гладил меня по щеке своей маленькой ладошкой.

— Мама, — говорил он.

— Я Стеша, — поправляла я.

— Стеша, — повторял он и снова улыбался.

И в этот момент я подняла глаза и увидела его.

Сергей Владимирович стоял у входа в кофейню.

Он был в тёмно-синей рубашке, джинсах, без пиджака, без галстука. Выглядел совершенно по-другому. Не как глава корпорации, а как обычный мужчина, который вышел погулять с сыном в выходной. Его волосы были слегка растрёпаны, и он смотрел на нас так, будто увидел что-то невозможное.

Я замерла.

— Папа! — Лёшка заметил его и замахал руками. — Папа! Смотри! Стеша!

Сергей медленно подошёл к нашему столику. Он смотрел то на сына, который сидел у меня на коленях, то на меня. В его глазах смешались удивление и что-то ещё. Что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

— Ветрова, — сказал он.

— Сергей Владимирович, — ответила я.

Он помолчал. Потом вздохнул и сел за наш столик. Просто сел. Как будто это было нормально.

— Мы с Лёшкой решили устроить выходной, — сказал он. — Поехали в торговый центр, чтобы он мог поиграть в детской комнате. Но он отказался заходить. Сказал, что хочет тебя.

— Стеша! — подтвердил Лёшка и показал на меня пальцем. — Моя!

Сергей усмехнулся. Настоящая, искренняя усмешка, без тени холода.

— Да, твоя, — сказал он.

Мы сидели втроём за маленьким столиком. Лёшка пил молоко, размазывая его по столу, я вытирала его салфеткой, Сергей заказал себе чёрный эспрессо и молчал. Но его молчание не было тяжёлым. Оно было почти уютным.

— Ты проводишь с ним время, — сказал он наконец. — Даже в выходной.

— Он сам меня нашёл, — улыбнулась я. — Я просто сидела и пила кофе.

— Стеша! — Лёшка потянулся ко мне. — На ручки!

— Ты уже сидишь у меня, — засмеялась я.
Он уткнулся носом мне в плечо и засопел.
— Спать, — сказал он тихо.
— Устал, — сказала я Сергею. — Он сегодня много плакал.
Сергей кивнул и вздохнул.
— Он не спал всю ночь. Всё просыпался и спрашивал: «Папа, Стеша придёт?» Я не знал, что отвечать.
У меня сжалось сердце.
— Я прихожу, — сказала я. — Я буду приходить. Если вы позволите.
Он посмотрел мне в глаза. Долго. Так, что я забыла, как дышать.
— Я позволю, — сказал он. — Но с одним условием.
— Каким?
— Ты перестанешь называть меня «Сергей Владимирович» в выходные. Я устал от этого.
Сегодня я просто Серёжа.
Я улыбнулась.
— Хорошо, Серёжа, — сказала я.
Он усмехнулся.
— Ты слишком легко соглашаешься.
— Я всегда легко соглашаюсь, — парировала я. — Пока это не противоречит моим правилам.
— А какие у тебя правила? — спросил он, приподняв бровь.
— Не врать. Не предавать. И всегда заканчивать начатое, — ответила я.
Он смотрел на меня так, будто я сказала что-то важное. Что-то, что он запомнит.
— Хорошие правила, — сказал он.
— Папа! — Лёшка проснулся и посмотрел на отца. — Играть!
— Мы сейчас пойдём играть, — сказал Сергей. — Давай попросимся со Стешей.
— Нет! — Лёшка вцепился в мою футболку. — Стеша с нами!
— Лешка, — мягко сказал Сергей. — Стеше нужно домой.
— Нет! — заплакал мальчик. — Стеша! Стеша!
Я прижала его к себе.
— Лешка, я приду в понедельник. Хорошо? Я всегда прихожу.
Он посмотрел на меня мокрыми глазами.
— Придешь?
— Приду, — пообещала я. — Честное слово.
Он протянул мне мизинец. Я скрепила его своим.
— Слово! — сказал он серьёзно.
Я улыбнулась и поцеловала его в макушку.
Когда Лёшка наконец согласился идти с отцом, Сергей встал и посмотрел на меня.
— Спасибо, — сказал он тихо. — За то, что ты есть.
Я растерялась.
— Я просто...
— Просто, — перебил он. — Ты просто есть. И это много.
Он взял Лёшку за руку и пошёл к выходу. Лёшка обернулся и замахал мне рукой.
— Стеша! — крикнул он. — Пока!
Я помахала ему в ответ и улыбнулась.
А Сергей обернулся на секунду и посмотрел на меня. В его мятных глазах было что-то тёплое. Что-то, что он больше не прятал.
Я смотрела им вслед и чувствовала, как внутри разливается тепло.
«Ты просто есть. И это много.»

Я улыбнулась и прошептала в пустоту:
— Ты тоже, Серёжа. Ты тоже.